

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЗНАНИЕ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Постановка проблемы философского осмысления роли и значения социальных технологий в развитии знания весьма актуальна и достойна серьезного обсуждения. С одной стороны, накопление практического опыта ставит вопрос о его теоретическом осмыслении, упорядочении. С другой – накопление любого знания рано или поздно ставит вопрос о возможностях его применения. И в обоих случаях речь фактически идет о концептуализации технологий – то ли как систематизации некоей эмпирически сложившейся рецептуры, то ли как разработки прикладных методик, применений теоретического знания.

В этой связи нельзя не согласиться с необходимостью уяснения специфики социальных технологий как типа знания. Индустриализация, урбанизация, а затем и информатизация, компьютеризация чрезвычайно технологизировали образ жизни современного общества, практически все сферы его жизни – от бизнеса до досуга и от формирования национального самосознания до информационных войн. И при этом накопленное знание о социуме давно уже начало порождать прикладные социальные науки – вплоть до прикладной политологии и прикладной культурологии¹.

Социальные технологии и социальные практики: ценностно-нормативный синтез знания

В обсуждении темы социальных технологий есть опасность уйти в перечисление их видов, построение типологий, классификаций. Подобные перечни будут напоминать вытаскивание из шляпы фокусника кроликов и других занятных предметов: а вот еще социальная технология, а вот еще и т.д. И такие перечни могут строиться не до бесконечности, но очень долго и, в конечном счете, в них войдут все сферы жизнедеятельности общества, потому что все они, так или иначе, но имеют социальное значение и могут быть представлены технологически. Это и бизнес, и наука, и образование, и искусство, и здравоохранение, и СМИ, и военное, библиотечное и музейное дело, и политика, и спорт, и туризм и т.д., и т.д. – вплоть до ресторанного сервиса и ритуальных услуг... Поэтому, если говорить серьезно, то стоит обсудить, что выделяет именно технологическое представление об этих сферах социальной жизни.

В этой связи представляется важным различать *социальные технологии* и *социальные практики*. Все вышеупомянутое разнообразие социальной активности прежде всего – это социальные практики, в

которых аккумулируется социальный опыт, передающийся как «горизонтально» — в рамках конкретной культуры и в межкультурном взаимодействии, так и «вертикально» — от одного поколения другому. Этот опыт может передаваться как сознательно, целенаправленно, так и в порядке подражания, обычая (как например, это происходит с детским фольклором: страшилками, отговорками, считалками и прочими формами детской социализации). Но этот опыт, как и сами социальные практики, может строиться сознательно, целесообразно и целенаправленно, на основе некоей сознательной «стратегии», реализующей осознанные намерения и возможности. В этом случае можно говорить о социальных технологиях.

Приведенное выше уточнение сделано с «внешней» социальной позиции. Но любая социальная деятельность реализуется конкретными людьми: отдельными личностями, группами, организациями. С их — «внутренней» — позиции технология также является весьма специфической формой жизнепроявления. Как уже ранее отмечалось², в их градации можно выделить: инстинктивную жизненную активность (когда человек не выделяется из природных каузальных связей), поведение (рутинную активность на основе привычки, обычая, норм), деятельность (включающую элементы рациональной мотивации) и поступок (как проявление свободы и ответственности, самоопределения и самореализации). В этом плане социальные технологии относятся скорее к поступку и деятельности, хотя в своей реализации могут использовать или предполагать и другие формы жизненной активности.

В свете изложенного социальные технологии предстают социальными практиками в формате **know how**, т.е. **сознательно выстроенной программы** (алгоритма), позволяющего за конечное число шагов получить желаемый результат. Так, идея либерализма или коммунизма — это и конкретное теоретическое представление о социальной реальности, и представления о целях общественного развития, и представления о путях и способах достижения этих целей (о программе преобразования реальности для достижения целей на основе имеющихся знаний об этой реальности). В принципе, аналогично содержание любых идей: не только политических, но и научных, экономических, технических, художественных, религиозных³.

Более того, можно утверждать, что человек вообще познает мир именно в таком синтезе. Идеи **know how** — **первичные формы осмысления**. Так, ребенок постигает окружающие его вещи именно как идеи: стул для него — это и вот эта реальная вещь, и ее предназначенность, и программа действий (игры) с ним. Выраженный в идеях синтез представлений об истинном, должном и возможном может быть как синкретично-целостным, так и теоретически отрефлектированным, вплоть до аналитического вычленения каждого из модусов⁴.

С развиваемой точки зрения технология предстает как синтез знания истины, должного и возможного, а специфика организации знания, выраженного в технологиях, — как синтез цели (характеристики желаемого результата), описания некоей реальности (возможных средств) и нормы (правила, следование которому позволяет, привлекая средства, достичь желаемого результата)⁵.

Оценки, нормы и фактологические описания суть установления определенных соответствий:

- адекватность целям, которая оценивается как соответствие данного описания описанию желаемого результата, нормативного образа (нормативно-ценностная оценка и соответствие);
- адекватность реальности как истинность или ложность описания (истинностная оценка и соответствие);
- адекватность имеющимся средствам и возможностям (оценка на реализуемость).

Каждый из семантических аспектов (соответствий) технологической идеи может быть связан со стадиями ее зрелости и воплощения.

• Формирование цели как образа желаемого результата есть этап осознания потребности и формирования представления о должном и необходимом. Однако должное и необходимое может быть и принципиально не осуществимым в действительности (как это может быть в случае со сказочными образами ковра-самолета, скатерти-самобранки и т.п.)

• Установление принципиальной (потенциальной) осуществимости цели на основе объективного истинного знания. Однако истинное знание может быть еще нереализуемым, поскольку средства его воплощения еще не созданы в силу низкого уровня развития производственных сил. Это уровень научной гипотезы, художественного замысла и т.п. Ряд образов научной фантастики основан на таком знании потенциальной осуществимости.

- Установление путей и средств реализации идеи⁶.

В этой связи можно отметить вызревание новой ориентации в теории познания. Традиционно главная проблема эпистемологии (гносеологии), логики и методологии науки есть вопрос о гарантиях и регулятивах получения истинного знания. Соотношения знания и действительности при этом рассматриваются «однонаправленно» — от действительности к знанию, как представленность действительности в формах знания. Но познание одновременно — и активное воспроизведение действительности, обусловленное целями практической деятельности. Анализ знания как знания осмысленного ставит перед гносеологией, логикой и методологией комплекс проблем, связанных не только с обеспечением адекватной «представленности» действительности в определенных формах знания или с обеспечением непротиворечивости этих форм, но и с ее встречным движением — от

знания к предмету, т.е. с воплощением определенных знаний и идей в продуктах социальной деятельности по преобразованию мира.

Не случайно в обсуждении социальных технологий первыми всплывают такие сферы социальных практик, как управление, менеджмент, маркетинг. Смысловая структура технологической идеи как синтеза описаний, целей и предписаний, аналогична структуре целевой программы. В этой связи вполне обоснованно ставить вопрос об общенаучном статусе технологического («программно-целевого») подхода наравне с другими междисциплинарными стратегиями познания: функциональным, структурным, системным, комплексным подходами⁷. Более того, как их развитие и дополнение структурный подход раскрывает «сделанность» предмета как состоящего из некоего набора компонентов и их связей; функциональный подход объясняет, что порождает структуру; комплексный подход разъясняет уже ряд функций; системный подход — что интегрирует комплекс функций; технологический (программно-целевой) подход — что задает целостность системы, ее «назначение». В этом плане технологический (программно-целевой) подход предстает как обобщение и развитие теоретического и методологического потенциала других указанных подходов, использует их как свою предпосылку и основание.

Социальные технологии и социальность

Уяснение сути технологического представления знания позволяет вернуться к социальной сфере как сфере специфического применения технологии. В социально-гуманитарном знании отмеченный тренд обобщения наиболее явно прослеживается на примере экспансии маркетинга — как практики и теории преобразования социальной реальности. Маркетинг как практика успешной деловой активности возник в рамках практики бизнеса и менеджмента в 1930-х гг. в условиях зрелого рынка, когда стало ясно, что для успеха недостаточно иметь доступ к ресурсам, товарную идею, знать технологию реализации идеи товара и организовывать деятельность других людей так, чтобы обеспечивать максимум товара с минимальными издержками. Все это могло быть в наличии, но бизнес проваливался — по одной простой причине — его результат не пользовался спросом, т.е. не решал проблемы конкретных людей. Маркетинг как ведение бизнеса с учетом рыночной конъюнктуры и возможным воздействием на нее резко изменил ориентацию ментальности бизнеса («не продавать то, что производишь, а производить то, что будет продано»), способы коммуникации с потребителями («рассказывайте им не про свои семена, а про их газон»).

Маркетинг предстал не просто как одна из функций деловой активности (наряду с планированием, организацией, контролем, финансами, работой с персоналом), а философией, интегральным подходом,

системообразующим принципом технологии бизнеса, включающей в себя: анализ рыночной ситуации (от конъюнктуры до социально-культурных и психологических особенностей поведения конкретных групп населения), выработку идеи товара и его производства, продвижение (коммуникацию, рекламу, стимулирование продаж) и реализацию (сбыт). Уже к середине прошлого столетия маркетинг стал эффективной технологией не только бизнеса, но и формирования определенного образа жизни. Именно он стал организационно-технологической основой формирования общества массового потребления. Вся дальнейшая история развития бизнеса предстала эволюцией этого подхода, этой технологии. В его недрах (как часть стратегии продвижения) вырелась информационно-коммуникативная технология **public relations**, позволившая вывести маркетинговую технологию за пределы рыночной среды, распространить ее на социальную среду в целом, а затем и говорить о маркетинге в некоммерческой деятельности, в науке, политике, образовании, искусстве...

Более того, пример маркетинга показывает выход социально-гуманитарного знания не только на уровень технологической рефлексии, а к ее сердцевине — проблемному подходу, раскрывающему суть любого научного анализа: от формулировки проблемы — к проекту ее решения⁸.

Другим примером могут служить те же информационные технологии — вплоть до информационных войн — не только как дискурсивных практик манипулирования, но и как метода анализа политических и бизнес-реалий, которые другими методами не ловятся⁹.

Оценка эффективности социальных технологий и рациональность

Отдельного внимания заслуживает соотношение технического знания и рациональности. Традиционно рациональность понимается как нормативность, как следование определенной системе правил, образцов, позволяющих достигать неких значимых целей: «Общей характеристикой так понимаемой рациональности стала ориентация на образцы успешной (познавательной, конструктивной, хозяйственной и т.п.) деятельности»¹⁰. Традиционно понимаемая рациональность выражает именно идею «сделанности» (В.Б. Шкловский), «скрытого схематизма» (Ф. Бэкон). Такое понимание рациональности восходит к античной идее «техне» — искусного искусственного преобразования, когда рациональность совпадает с идеей эффективности как целесообразности, результативности и экономичности. В первом случае речь идет о соответствии выбираемых целей потребностям или ценностным нормам (Ц/П). Во втором — об отношении результата к целям (Р/Ц). В третьем — результата к затратам ресурсов (Р/З)¹¹. Иначе говоря, рациональность = эффективность = $(\text{Ц}/\text{П} \times \text{Р}/\text{Ц} \times \text{Р}/\text{З})$. Переключка понятий

рациональности и эффективности не случайна. Она свидетельствует о глубокой фундаментальной общности управленческих и познавательных процессов, выражающейся в их обусловленности практической деятельностью. Подобно тому как интегральным выражением эффективности является отношение потребностей к имеющимся возможностям и ресурсам, интегральным выражением идеи рациональности, рациональной устроенности сущего, является представление об эффективном, т.е. реализуемом и результативном действии его «сделанности». Рациональность как эффективность и конструктивность целенаправленной деятельности означает, что разумно и рационально то, что позволяет достичь цели, причем оптимальными средствами.

Более того, предлагаемый подход открывает горизонт для понимания ограниченности традиционного понимания рациональности. XX век открыл не только благоденствие и процветание. Экологические проблемы, ядерное оружие, технические катастрофы, опасные технологии, политическое насилие — отнюдь не побочные издержки, а прямые и непреложные следствия «технической» идеи рациональности.

Рациональность, познание и осмысление связаны не только с целеустремленностью, но, в конечном счете, и с тем, что они суть проявление попыток конечной, ограниченной в пространстве и времени системы (человека) понять и выразить конечными средствами бесконечное разнообразие мира. Эта ограниченность неизбежно проявляется в абстрагировании от одних свойств и выделении других, существенных в каком-то смысле (плане, цели) и образующих некоторую целостную выделенность вещи.

Помимо прочего, это означает и стремление за конечное число шагов построить, сконструировать, воссоздать данную вещь как единое целое. В связи с этой ориентацией на целостность можно говорить и о другой традиции рациональности¹². Ее можно связать с античной идеей «космоса» — естественной гармоничной целостности мира, когда особое значение приобретает индивидуально-неповторимое — не абстрактный элемент множества, а необходимая часть целого, без которой целое уже иное. В принципе, такая установка на целостность в науке присутствовала всегда (хотя бы в виде требования логической непротиворечивости знания), а в современной науке тенденция конкретизации такой установки все более нарастает. «Голографическая вселенная» Д. Бома, «голографический мозг» К. Прибрама, «приведенные координаты» М. Гельфанда — примеры систем, в которых динамика каждого компонента влияет на все другие, а значит и систему в целом. Можно вспомнить и Э. Маха с его принципом всеобщей взаимосвязи. В этот тренд укладывается и синергетический подход, особенно идеи И. Пригожина относительно событийной целостности вселенной бесконечного физического вакуума. Восточным аналогом этого типа рациональности является

идея «дао»: дао-истины как дао-пути — единственного и неповторимого в гармонической целостности мира.

Этот тип рациональности связан с ныне почти забытыми категориями гармонии и меры. Понимание человеческого бытия в этой традиции — реализация не абстрактного общего, а части конкретного единства, что позволяет вполне рационально ставить вопрос о природе изначальной ответственности и не-алиби-в-бытии. Это ответственность не перед высшей инстанцией в любом ее обличье, не перед общей идеей и ее носителями, а ответственность за изначальную гармонию целого, частью (не элементом!) которого является индивидуально неповторимая личность, за свой — именно свой, а не воспроизводящий другие — путь и «тему» в этой гармонии мира.

«Космическая» рациональность не отбрасывает «техническую», ее аппарат, потому что познать меру и глубину ответственности человек может только традиционными методами (теоретическое знание, моделирование и т.д.). Но меняется вектор. Не ответственность ради рационального произвола, а разумность как путь осознания меры и глубины ответственности. Ответственность первична, ум и разум вторичны. Они суть средства осознания меры и глубины ответственности, меры и глубины включенности в связи и отношения, меры и глубины укорененности и свободы в мире. Одновременно смещается акцент: с частичной эффективности на целостную гармонизацию, с цели на используемые средства, с поиска первопричины на выявление следствий, а значит и — с воли на ответственность.

Если существование выводится из собственно акта мысли, дело заканчивается насилем как формой самоутверждения. Или же я связан с другими и миром? И потому мыслю, что един с ними, а не потому един, что мыслю? Сущность человека с этой точки зрения не «технична», а «космична» — в его единстве и сопричастности целостной гармонии мира, в его зависимости от других в собственном самоутверждении, в невозможности самоутверждения без других, но не за счет других, а в силу других, в их необходимости и неизбежности. На передний план выходят не элементарные отношения типа «субъект — объект», «причина — следствие», «элемент — множество», «цель — средство», а системная взаимосвязанность. Современный человек, если он еще желает быть таковым, а не техническим средством цивилизации, должен осознать себя «космически».

Свобода от мира — не что иное, как ответственность за него. Чем шире зона моего автономного поведения, тем шире зона ответственности. И наоборот: та сфера, которую я беру на себя, за которую ответствен, — и есть сфера моей свободы, а человек тем этичнее (свободнее, ответственнее), чем шире эта сфера. Традиционные общества ограничивали ее своим этносом, позже ее ограничивали расой, нацией, классом. А Швейцер распространял этическое поведение

на все живое. В наши дни этическое самоопределение в смысле очерчивания предела свободы и ответственности распространяется уже практически на весь мир.

В этой связи можно ожидать, что социально-гуманитарные науки повторяют путь естествознания, породившего инженерное дело и знание, практика которых вывела в XX в. на первый план вопрос об охране целостной экосистемы. Более того, становится очевидным, что главным условием экологической гармонии является гармония социально-культурная, а то и персонологическая.

Ergo

Проведенное рассмотрение, как представляется, позволяет сделать несколько заключений...

Технологии как определенный тип знания выражаются в синтезе целей (характеристик желаемого), описаний реальных ресурсов и нормативных предписаний. Ключевым моментом логико-семантического основания этого синтеза являются допущения о едином онтологическом (экзистенциальном) статусе сущего, желаемого должного и возможного.

С этой точки зрения технологическое знание является первичной формой осмысления (постижения), выражая степень и меру постижения этой действительности. Однако методологическая рефлексия этого синтеза вызревает и формируется в «обратном» порядке — по мере развития соответствующих научных дисциплин.

Социальные технологии в этом плане выступают выражением зрелости социальных и гуманитарных наук, достижения ими определенной стадии развития, реализующей идею рациональности.

Можно предположить, что дальнейшей стадией развития социальных технологий как формы знания станет переход к реализации идеи рациональности не просто как эффективности, а как гармоничной целостности социума.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Особенно показателен пример культурологии — дисциплины совсем молодой, начавшей складываться только в конце прошлого столетия. И, тем не менее, уже на стыке 1980–1990-х одновременно был поставлен вопрос о формировании некоего комплекса технологических применений теоретико-культуральных концепций — «культуроники» (см.: Проективный философский словарь. — СПб.: Алетейя, 2003), а в перечень специальностей ВАК была внесена «прикладная культурология», к которой были отнесены практики клубной работы, организации праздников, любительского творчества и прочей культурно-просветительной деятельности. Показательна именно одновременность заходов как со стороны теории и философии культуры, так и со стороны практики культурно-досуговой деятельности.

² См.: Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. — Л.: ЛГУ, 1990.

³ См.: *Тульчинский Г.Л.*: Проблема осмысления действительности. Логико-философский анализ. – Л.: ЛГУ, 1986; *Тульчинский Г.Л.* Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. Философский век. Альманах. 17. – СПб.: Центр истории идей, 2001. С. 28 – 58.

⁴ С этой точки зрения, понятие, как знание о свойствах предметов и процессов, является лишь одним из аспектов идеи, абстрагированным от оценочного контекста, от модусов возможности и необходимости.

⁵ Такой тип знания был описан еще Аристотелем в «Никомаховой этике» как «практический силлогизм», связанный с «истинным стремлением» (см.: *Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 4. – М., 1983).

⁶ Предложенная семантическая трактовка знания одновременно в модусах истинности (потенциальной осуществимости), практической целесообразности и фактической реализуемости есть, по сути дела, переход от двумерной, «плоскостной» семантики, «прикалывающей» знание к реальности и рассматривающей знание только в терминах «истинно-ложно», к семантике «стереометрической» (см.: *Тульчинский Г.Л.* Стереометрическая семантика: логико-семантический синтез истинного, должного и реализуемого // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. – СПб.: СПб ГУ, 1998. С. 371 – 373). Переход знания в технологии или целевой программе из модуса практической целесообразности в модус физической реализуемости подобен решению задачи, когда предполагается существование неизвестного (x), удовлетворяющего условиям, т.е. делающего их истинными. В этом случае решение задачи может быть ориентировано «на нахождение» – поиск предмета, удовлетворяющего некоторому описанию, либо «на доказательство» – поиск непротиворечивого описания этого предмета. Однако логический строй плана решения один – разрешение противоречия между возможным (идеальным) и действительным (реальным). Допущение о существовании цели (неизвестного) в случае установления непротиворечивости плана решения устанавливает и реальный статус неизвестного. Аналогично и в технологии имеются два основных класса проблем: перехода от известного предмета к возможностям его использования и от представления о возможном назначении (свойствах и параметрах) – к предмету его реализующему. Первая проблема сводится к задаче «на доказательство», вторая – «на нахождение».

⁷ См.: *Ладенко И.С., Тульчинский Г.Л.* Логика целевого управления. – Новосибирск, 1988.

⁸ *Шаниро Й.* Бегство гуманитарных наук от реальности. – М.: ИД ВШЭ, 2013.

⁹ *Тульчинский Г.Л.* Россия и Украина: конфликт как интеграция интересов // *Střední Evropa*. 2014. № 8; *Tulchinskii G.* Information wars as a conflict of interpretations: activating the «third party» // *Russian Journal of Communication*. Routledge Publ. 2013. Vol. 5. No. 3. P. 244 – 251. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/19409419.2013.822054>

¹⁰ *Порус В.Н.* Многомерность рациональности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIII. № 1. С. 6.

¹¹ См.: *Тульчинский Г.Л.* Два типа рациональности // Космизм и новое мышление на Западе и Востоке. – СПб., 1999. С. 57 – 67.

¹² См.: *Тульчинский Г.Л.* Рациональность и иррациональность ответственности // Рациональность и культура. – М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 121 – 136.

REFERENCES

- Aristotel.* Nikomakhova etika // *Aristotel.* Sobr. soch. v chetyrjokh tomach. T. 4. Moskva, 1983.
- Ladenko I.S., Tulchinskii G.L.* Logika tselevogo upravlenija. Novosibirsk, 1988.
- Porus V.N.* Mnogomernost ratsionalnosti // *Epistemologija i filosofija nauki.* 2010. T. XXIII. № 1. S. 6.
- Proektivnyj filosofskij slovar. Sankt-Peterburg: Aleteja, 2003.
- Shapiro J.* Begstvo gumanitarnykh nauk ot realnosti. Moskva: ID VSE, 2013.
- Tulchinskii G.L.* Dva tipa ratsionalnosti // *Kosmizm i novoe myshlenie na Zapade i Vostoke.* Sankt-Peterburg, 1999. S. 57 – 67.
- Tulchinskii G.L.* Idei: istochniki, dinamika i logicheskoe sodержanie // *Istoria idej kak metodologija gumanitarnykh issledovanij.* Chast' 1. Filosofskij vek. Almanakh. 17. Sankt-Peterburg: Centr istorii idej, 2001. S. 28 – 58.
- Tulchinskii G.* Information wars as a conflict of interpretations: activating the «third party» // *Russian Journal of Communication, Routledge Publ.,* 2013. Vol. 5. No. 3. P. 244 – 251. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/19409419.2013.822054>.
- Tulchinskii G.L.* Problema osmyslenija dejstvitelnosti. Logiko-filosofskij analiz. Leningrad: LGU, 1986.
- Tulchinskii G.L.* Ratsional'nost' i inoratsionalnost' otvetstvennosti // *Ratsionalnost' i kultura.* Moskva: ID VSE, 2013. S. 121 – 136.
- Tulchinskii G.L.* Razum, volja, uspek. O filosofii postupka. Leningrad: LGU, 1990.
- Tulchinskii G.L.* Rossija i Ukraina: konflikt kak integratsija interesov.
- Tulchinskii G.L.* Stereometricheskaja semantika logiko-semanticheskij sintez dolzhnogo i realizuemogo // *Sovremennaja logika: problemy teorii, istorii i primenenija v nauke.* Sankt-Peterburg: SPBGU, 1998. S. 371 – 373.

Аннотация

Технологическое знание является первичной формой осмысления (постижения), выражая степень и меру постижения этой действительности. В этом плане социальные технологии, выступают выражением зрелости социальных и гуманитарных наук, достижения ими определенной стадии развития, реализующей идею рациональности. Дальнейшей стадией развития знания социальных технологий может быть переход к реализации идеи рациональности не просто как эффективности, а как гармоничной целостности социума.

Ключевые слова: гармония, знание, рациональность, социальные практики, технологии, эффективность.

Summary

Technological knowledge is the primary form of understanding (comprehension) of reality. It expresses the degree and measure of understanding of this reality. In this context, social technologies are the expression of the maturity of the social sciences and humanities, of the achievement by them of a certain stage of development realizing the idea of rationality. Further stage in the development of knowledge of social technologies can be a transition to the implementation of the idea of rationality as integrity of a harmonious society.

Keywords: efficiency, harmony, knowledge, rationality, social practices, technologies.